На утином дворе

Из Португалии — а кто говорит, из Испании, но это все едино — вывезли утку. Прозвали ее Португалкою. Она несла яйца, потом ее зарезали, зажарили и подали на стол — вот и вся ее история. Выводков из ее яиц тоже звали Португалками, и это кое-что да значило. Наконец из всего потомства первой Португалки осталась на утином дворе только одна утка. На этот утиный двор допускались и куры с петухом, неимоверно задиравшим нос.

— Он просто оскорбляет меня своим неистовым криком! — говорила Португалка. — Но он красив — этого у него не отнимешь, хоть и не сравнится с селезнем. Ему бы следовало быть посдержаннее, но сдержанность — это искусство, требующее высшего образования. Этим отличаются певчие птички, что гнездятся вон там, в соседском саду на липах. Как мило они поют! В их пении есть что-то такое трогательное, португальское — так я это называю. Будь у меня такая певчая птичка, я бы заменила ей мать, была бы с нею ласкова, добра! Это уж у меня в крови, в моем португальстве.

Как раз в эту минуту и свалилась с крыши певчая птичка. Она спасалась от кошки и сломала при этом крыло.

— Как это похоже на кошку, эту негодяйку! — сказала Португалка. — Я знаю ее еще по той поре, когда у меня самой были утята. И подумать только, что такой твари позволяют жить и бегать тут по крышам! Нет уж, в Португалии, я думаю, такого не увидишь!

И она принялась соболезновать бедной птахе. Соболезновали и простые утки, не португальские.

— Бедная крошка! — говорили они, подходя к ней одна за другой. — Хоть сами-то мы не из певчих, но в нас есть внутренний резонанс или что-то в этом роде. Мы это чувствуем, хоть и не говорим об этом.

— Ну так я поговорю! — сказала Португалка. — И сделаю для нее кое-что. Это прямой долг каждого! — С этими словами она подошла к корыту, зашлепала по воде крыльями и чуть не залила птичку ливнем брызг, но все это от доброго сердца. — Вот доброе дело! — сказала Португалка. — Смотрите и берите пример.

— Пип! — пискнула птаха; сломанное крыло не давало ей встряхнуться хорошенько. Но она все же понимала, что выкупали ее от доброго сердца. — Вы очень добры, сударыня! — прибавила она, но повторить душ не просила.

— Я никогда не думала о том, какой у меня нрав! — ответила Португалка. — Но знаю, что люблю всех моих ближних, кроме кошки. А уж этого от меня требовать не приходится! Она съела двух моих утят!.. Ну, будьте же теперь здесь как дома! Это можно! Сама я тоже не здешняя, что вы, конечно, заметили по моей осанке и оперению. А селезень мой здешний, не моей крови, но я не спесива!.. Если вас вообще кто-нибудь поймет здесь, на дворе, то уж, смею думать, это я!

— У нее портулакария в зобу! — сострил один маленький утенок из простых.

Остальные утки, тоже из простых, нашли это бесподобным: «портулакария» звучит ведь совсем как Португалия. Они подталкивали друг друга и крякали:

— Кряк! Вот остряк!

А потом опять занялись бедной птахой.

— Португалка мастерица поговорить! — сказали они. — У нас нет таких громких слов в клюве, но и мы принимаем в вас не меньшее участие. И если мы ничего не делаем для вас, то не кричим об этом! По-нашему, так благороднее.

— У вас прелестный голос! — сказала одна из пожилых уток. — То-то, должно быть, приятно сознавать, что радуешь многих! Я, впрочем, мало смыслю в пении, оттого и держу язык в клюве! Это лучше, чем болтать глупости, какие вам столько приходится выслушивать!

— Не надоедайте ей! — вмешалась Португалка. — Ей нужен отдых и уход. Хотите, я опять вас выкупаю, милая певунья?

— Ах нет! Позвольте мне остаться сухой! — попросила та.

— А мне только водяное леченье и помогает! — продолжала Португалка. — Развлечения тоже очень полезны! Вот скоро придут в гости соседки куры, в их числе две китаянки. Они ходят в панталончиках и очень образованны. Это подымает их в моих глазах.

Куры явились, явился и петух. Сегодня он был вежлив и не грубиянил.

— Вы настоящая певчая птица! — сказал он пташке. — Вы делаете из своего крохотного голоска все, что только можно сделать из крохотного голоска.

Только надо бы иметь свисток, как у паровоза, чтобы слышно было, что ты мужчина.

Обе китаянки пришли от пташки в полный восторг: после купанья она была вся взъерошенная и напомнила им китайского цыпленка.

— Как она мила! — сказали они и вступили с нею в беседу. Говорили они шепотом, да еще и с придыханием на «п», как и положено мандаринам, говорящим на изысканном китайском языке.

— Мы ведь вашей породы! А утки, даже сама Португалка, относятся к водяным птицам, как вы, вероятно, заметили. Вы нас еще не знаете, но многие ли нас здесь знают или дают себе труд узнать? Никто, даже и среди кур никто, хотя мы и рождены для более высокого нашеста, нежели большинство! Ну да пусть! Мы мирно идем своею дорогой, хотя у нас и другие принципы: мы смотрим только на одно хорошее, говорим только о хорошем, хотя и трудно найти его там, где ничего нет! Кроме нас двух да петуха, во всем курятнике нет больше даровитых и вместе с тем честных натур. Об утином дворе и говорить нечего. Мы предостерегаем вас, милая певунья! Не верьте вон той короткохвостой утке — она коварная! А вон та, пестрая, с косым узором на крыльях, страшная спорщица, никому не дает себя переговорить, а сама всегда неправа! А вон та, жирная, обо всех отзывается дурно, а это противно нашей природе: уж лучше молчать, если нельзя сказать ничего хорошего! У одной только Португалки еще есть хоть какое-то образование, и с нею еще можно водиться, но она тоже небеспристрастна и слишком много говорит о своей Португалии.

— И чего это китаянки так расшептались! — удивлялись две утки из простых. — На нас они просто наводят скуку, мы никогда с ними не разговариваем.

Но вот явился селезень. Он принял певчую птичку за воробья.

— Ну да я особенно не разбираю, для меня все едино! — сказал он. — Она из породы шарманок, есть они — ну и ладно.

— Пусть себе говорит, не обращайте внимания! — шепнула птахе Португалка. — Зато он весьма деловой селезень, а дело ведь главное!.. Ну, а теперь я прилягу отдохнуть. Это прямой долг по отношению к самой себе, если хочешь разжиреть и быть набальзамированной яблоками и черносливом.

И она улеглась на солнышке, подмаргивая одним глазом. Улеглась она хорошо, сама была хороша, и спалось ей хорошо. Певчая птичка пригладила сломанное крыло и прилегла к своей покровительнице. Солнце здесь пригревало так славно, хорошее было местечко.

Соседские куры принялись рыться в земле. Они, в сущности, и приходили-то сюда только за кормом. Потом они стали расходиться; первыми ушли китаянки, за ними и остальные. Остроумный утенок сказал про Португалку, что старуха скоро впадет в утиное детство. Утки закрякали от смеха. «Утиное детство!» Ах, он бесподобен! Вот остряк! — Они повторяли и прежнюю его остроту: — «Портулакария!» Позабавившись, улеглись и они.

Прошел час, как вдруг на двор выплеснули кухонные отбросы. От всплеска вся спящая компания проснулась и забила крыльями. Проснулась и Португалка, перевалилась на бок и придавила певчую птичку.

— Пип! — пискнула та. — Вы наступили на меня, сударыня!

— Не путайтесь под ногами, — ответила Португалка. — Да не будьте такой неженкой. У меня тоже есть нервы, но я никогда не пищу.

— Не сердитесь! — сказала птичка. — Это у меня так вырвалось!

Но Португалка не слушала, набросившись на отбросы, и отлично пообедала. Покончив с едой, она опять улеглась. Птичка снова подошла к ней и хотела было доставить ей удовольствие песенкой:

Чу-чу-чу-чу!

Уж я не промолчу,

Я вас воспеть хочу!

Чу-чу-чу-чу!

— После обеда мне надо отдохнуть! — сказала утка. — Пора вам привыкать к здешним порядкам. Я хочу спать!

Бедная пташка совсем растерялась, она ведь хотела только услужить! А когда госпожа Португалка проснулась, пташка уже опять стояла перед ней и поднесла ей найденное зерно. Но Португалка не выспалась как следует и, разумеется, была не в духе.

— Отдайте это цыпленку! — крикнула она. — Да не стойте у меня над душой!

— Вы сердитесь на меня? — спросила пташка. — Что же я такого сделала?

— «Сделала»! — передразнила Португалка. — Выражение не из изящных, позвольте вам заметить!

— Вчера светило солнышко, — сказала пташка, — а сегодня так серо, темно… Мне так грустно!

— Вы не сильны во времяисчислении! — сказала Португалка. — День еще не кончился! Да не смотрите же так глупо!

— Теперь у вас точь-в-точь такие же злые глаза, как те, от которых я спаслась!..

— Ах бесстыдница! — сказала Португалка. — Вы что же, приравниваете меня к кошке, к хищнице? В моей крови нет ни единой капельки зла! Я приняла в вас участие, и я научу вас приличному обхождению!

Она откусила птичке голову, и та упала замертво.

— Это еще что такое! — сказала Португалка. — И этого вынести не могла! Ну, так она вообще была не жилец на свете. А я была ей как мать родная, уж я-то знаю! Что у меня, сердца нет, что ли?

Соседский петух просунул голову на двор и закричал, что твой паровоз.

— Вы хоть кого в могилу сведете своим криком! — сказала утка. — Это вы во всем виноваты! Она потеряла голову, да и я скоро свою потеряю!

— Не много же места она теперь занимает! — сказал петух.

— Говорите о ней почтительнее! — сказала Португалка. — У нее были манеры, она умела петь, у нее было высшее образование! Она была нежна и полна любви, а это приличествует животным не меньше, чем так называемым людям!

Вокруг мертвой птички собрались все утки. Утки вообще способны к сильным чувствам, будь то зависть или симпатия. Но завидовать тут было нечему, стало быть, оставалось жалеть. Пришли и куры-китаянки.

— Такой певуньи у нас больше не будет! Она была почти что китаянка! — И они всхлипывали, другие куры тоже, а утки ходили с красными глазами. — Что-что, а сердце-то у нас есть! — говорили они. — Этого уж у нас не отнимут!

— Сердце! — повторила Португалка. — Да, этого-то добра у нас здесь почти столько же, сколько в Португалии!

— Подумаем-ка лучше о том, чем бы набить зобы! — сказал селезень. — Это главное! А если и сгинула одна шарманка, что ж, их еще довольно осталось на свете.